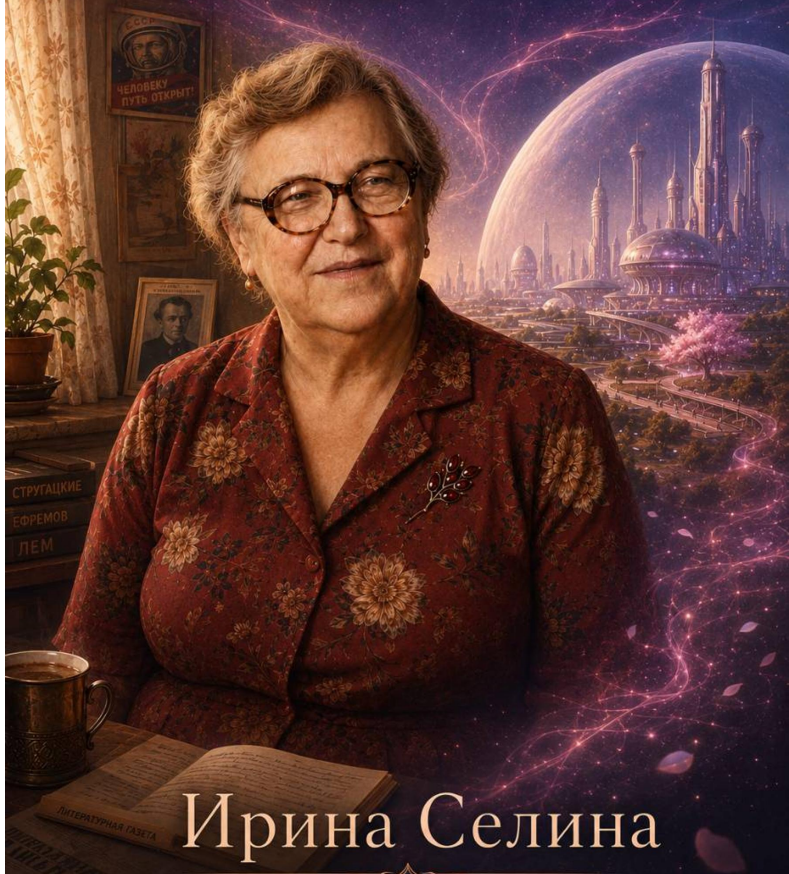

— ПЕЛАГЕЕВЫ СНЫ —

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОКА Я СПЛЮ

Ирина Селина

Ирина Селина

Пелагеевы сны. Книга первая. Пока я сплю

<https://litres.ru/74043063>

SelfPub; 2026

Аннотация

1980 год. Пелагея Поликарповна живёт одна, болеет, ворчит на старость и давно не ждёт от жизни ничего необыкновенного. Но однажды ей начинают сниться странные сны, которые продолжаются с того места, где оборвались прежде.

Во сне Пелагея попадает на Налойю — далёкую планету высокоразвитой цивилизации. Здесь почти победили болезни и старость, научились рассчитывать будущее, управлять сложнейшими системами и наблюдать за Землёй как за Игрой. Этот мир прекрасен, разумен и пугающе упорядочен, но его совершенство имеет цену.

Для налойца Лагея появление Пелагеи — не случайность. Он уверен, что нашёл ту, кого искал тысячи лет. Но Пелагея не помнит чужой жизни и не собирается отдавать своё имя, память и судьбу в чужие руки.

«Пока я сплю» — первая книга трилогии «Пелагеевы сны»: философская научная фантастика о старости и свободе, памяти и любви, человеческом достоинстве и цене безопасности.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ 1 ГЛАВА 1 Сон первый. Странное место	15
А между тем...	27
ГЛАВА 2. Сон второй. Встреча	30
А между тем...	44
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Селина

Пелагеевы сны. Книга первая. Пока я сплю

ПРОЛОГ

Крышка картонной коробки заедала, и Ирише пришлось поддеть её ножом. Картон хрустнул, по комнате поплыл сухой запах старой бумаги, пыли, застарелого табака и чего-то ещё - то ли дешёвого мыла, то ли бабушкиного шкафа, в котором десятилетиями лежали выглаженные платки, письма и вещи, давно потерявшие своё назначение, но не право занимать место.

Коробка нашлась на верхней полке отцовской кладовки. После смерти Эдуарда квартиру разбирали долго и неохотно. Каждая вещь требовала решения: оставить, выбросить, отдать. Родственники уставали, начинали спорить, откладывали работу до следующей недели, а потом снова собирались среди старых сервизов, выцветших фотографий и одежды, которую никто уже не наденет.

На крышке коробки отцовским почерком было выведено: «МАМА. ТЕТРАДИ. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

Последние два слова были подчёркнуты дважды.

Ириша усмехнулась. При жизни отец относился к рассказам Пелагеи Поликарповны с раздражённым недоверием, а потом всё-таки сохранил её записи. Читал он их или нет, Ириша так и не узнала.

Внутри лежали школьные тетради в клетку, толстые общие - в серых и синих обложках, несколько блокнотов, пачка листов, перевязанная выцветшей тесьмой, и старый календарь за тысяча девятьсот восьмидесятый год. Рядом, завёрнутая в пожелтевший носовой платок, лежала тяжёлая стеклянная пепельница - бабушкина любимая. На полях календаря бабушка записывала всё подряд: когда заплатить за свет, кому вернуть три рубля, сколько соли положить на банку помидоров, в какой день ждёт Людмилу и когда Эдуард опять обещал приехать.

Рядом с одной из дат стояло крупно:

«ЗАПИСАТЬ СОН. СРАЗУ. НЕ ЛЕНИТЬСЯ!»

Ириша провела пальцем по продавленной бумаге.

Пелагея Поликарповна писала с таким нажимом, что некоторые буквы пробивали лист и отпечатывались на следующем. Строки постепенно поднимались вверх, потом резко сползали вниз; важные мысли подчёркивались, особенно важные обводились в рамку, а рядом иногда появлялось сердитое: «Глупость», «Не так было», «Уточнить в следующий раз».

Почерк изменился с годами. В первых тетрадях он был

крупным, уверенным, почти учительским. В последних буквы дрожали и теснились одна к другой. Но голос оставался тем же.

Ириша открыла первую тетрадь.

На внутренней стороне обложки было написано:

«Если кто-нибудь когда-нибудь станет это читать, прошу не делать поспешных выводов. Я сама их делала достаточно».

Ниже, уже другими чернилами, добавлено:

«И почти всегда ошибалась».

Ириша улыбнулась. Именно так бабушка и разговаривала: сначала объявляла что-нибудь с полной уверенностью, а через минуту сама себя поправляла.

На первой странице стоял заголовок:

«Немного обо мне, чтобы было понятно, кому всё это приснилось».

Дальше начинался текст.

«Меня зовут Пелагея Поликарпова. Впрочем, люди моего возраста обычно представляются с отчеством, потому что после шестидесяти имя без отчества звучит так, будто тебя либо собираются отрубить, либо уже записали в младшую группу детского сада.

Итак, Пелагея Поликарповна. Мне шестьдесят шесть лет. За окном тысяча девятьсот восьмидесятый год. Живу одна. Дети взрослые, занятые, у каждого свои дела, неприятности и уважительные причины не приезжать. Телефона у меня

нет, здоровье капризное, а потому разговоров в моей жизни стало так мало, что я начала разговаривать сама с собой.

Сразу предупреждаю: с ума я не сошла. По крайней мере, окончательно.

Старость вообще устроена несправедливо. Внутри человек иногда думает почти так же, как в тридцать лет, а тело каждое утро сообщает ему свежие новости: сегодня не сгибается колено, завтра тянет спину, послезавтра сердце решает напомнить, кто в доме хозяин. И всё-таки старость - это не только болезни. Это ещё привычка ничего не выбрасывать, никому сразу не верить и заранее знать, чем закончится разговор, который собеседник только собирается начать.

Но со снами я ошиблась. Они начались один за другим и очень быстро перестали походить на обычные. Я просыпалась, а потом при следующем засыпании возвращалась туда же, где всё оборвалось. Там были места, которых я никогда не видела, существа, о которых ничего не читала, и слова, смысла которых поначалу совершенно не понимала.

Одно из этих мест называлось Налойя. Звучит нелепо. Я знаю. Ещё нелепее то, что во сне оно казалось настоящим».

На этом месте Ириша остановилась.

Налойя.

Она помнила тот вечер, когда бабушка впервые произнесла это название за семейным столом. Отец расхохотался, мать велела ему не дразнить пожилого человека, а сама тут же заговорила о чём-то другом. Только Ириша потребовала

рассказать всё с самого начала.

Ей было четырнадцать. Она носила юбку, которую отец считал безобразно короткой, собиралась стать то актрисой, то археологом, то писателем и была уверена, что взрослые половину самого интересного просто не замечают.

Позже, когда родственники разошлись по комнатам, Ириша осталась с бабушкой на кухне. Пелагея Поликарповна складывала вымытые чашки в шкаф и ворчала, что зря вообще начала рассказывать о снах: только людей смешить.

- А мне интересно, - сказала Ириша.

- Тебе сегодня всё интересно.

- Потому что ты нормально не рассказываешь. Начинаешь с одного, потом перескакиваешь на другое.

- Я не перескакиваю. Я забываю.

Бабушка поставила чашку на полку и сердито посмотрела на собственную руку, будто та во всём и была виновата.

- Просыпаюсь - всё помню. И комнату, и музыку, и что мне говорили. А пока встану, пока лекарства приму, пока чайник поставлю - половина рассыпалась.

- Так записывай.

- Что записывать?

- Всё. Как проснулась - сразу бери тетрадь и пиши.

- Очень удобно. Человек еле глаза разлепил, не понимает, на каком он свете, а ты ему сразу: пиши.

- Положи тетрадь возле кровати.

- Она у меня там мешаться будет.

- Тогда на табуретку.
- На табуретке лекарства.
- Лекарства подвинь.

Бабушка посмотрела на внучку поверх очков.

- Легко тебе распоряжаться моими лекарствами.
- Ба, ты же сама говоришь, что потом половину забываешь.

- Не половину... Треть.
- Сейчас была половина.
- Сейчас память хуже.

Ириша рассмеялась и, не дождавшись согласия, убежала в комнату. Через минуту вернулась со школьной тетрадью и положила её на стол перед бабушкой.

- Вот. Начинай.
- Сейчас?
- Сейчас напиши то, что ещё помнишь.
- И кому это нужно?

Бабушка сказала это без обычного ворчания. Ириша перестала улыбаться. Этот тон она знала: бабушка так говорила, когда заранее ждала, что от неё отмахнутся.

- Мне нужно, - сказала Ириша. - Я прочитаю.
- Ты сегодня прочитаешь. Завтра тебе другое понадобится.

- Неправда.
- Правда. В твоём возрасте каждый день новая жизнь.
- Тогда я всем своим будущим «я» прикажу это прочитать.

- Ишь, какая настойчивая, - фыркнула бабушка. - Вся в отца.

- Не-а. В тебя.

- Не льсти, - сказала Пелагея Поликарповна, но довольную улыбку скрыть не сумела.

- Я вырасту и напишу книгу.

- Про старуху, которой инопланетяне снятся?

- Почему нет?

- Потому что над такой книгой будут смеяться.

- Пусть смеются. Главное, чтобы читали, - заявила Ириша и для убедительности даже топнула ногой.

Бабушка долго смотрела на неё, а потом взяла тетрадь, повертела в руках и недовольно заметила:

- В клетку неудобно. У меня от этих клеточек мысли стро-
ем ходить начинают.

На следующий день Ириша привезла ей две толстые тетради в линейку...

Воспоминание оборвалось, когда под пальцами взрослой Ириши хрустнула старая страница.

Она снова сидела в отцовской квартире. За стеной разговаривали родственники, в коридоре передвигали мебель.

Ириша перевернула страницу. В первых записях были отдельные детали, обрывки разговоров, названия. Дальше появлялись целые сцены. Когда-то Ириша сама предложила бабушке писать о Пелагее как о героине книги - раз уж о себе от первого лица та писать не любила. Бабушка тогда возму-

тилась. Потом всё-таки попробовала.

На первых страницах это было особенно заметно. Бабушка начинала с «она», потом незаметно переходила на «я», сердито зачёркивала целые строки и приписывала на полях: «Опять полезло Я». Иногда в середине серьёзной сцены появлялось замечание, не имевшее к происходящему никакого отношения:

«Здесь Пелагея, вероятно, выглядела ужасно. Но поскольку зеркала рядом не было, утверждать не берусь».

Ириша листала тетрадь медленно, узнавая знакомые интонации раньше, чем смысл. На одной странице бабушка находила объяснение, через несколько - сама же его перечёркивала. Потом возвращалась к прежней мысли, но уже с оговорками. По этим страницам невозможно было понять даже то, во что Пелагея сама верила.

На одной странице стояло:

«Вчера решила, что всё придумала. Сегодня увидела место, которое не успела рассмотреть в прошлый раз. Оно было именно там, где я ожидала. Не знаю, что это доказывает. Возможно, только то, что упрямство действует даже во сне».

Рядом с одним из незнакомых слов было приписано:

«Не уверена в произношении. Переспросила. Замолчал дольше обычного, а потом заявил, что уже объяснял. Видимо, опять недоволен, что я забыла. Вероятно, мужчины одинаковы везде».

Ириша фыркнула и машинально подняла глаза, будто ба-

бушка могла услышать. За столом напротив никого не было. Тетрадь лежала у неё на коленях. Ириша вдруг поймала себя на том, что ждёт бабушкиного ответа - сейчас та скажет «не выдумывай» или сердито отдернет руку, если её начнут под-держивать без спроса. Она помнила, как бабушка шурилась, когда не верила, как сердилась на детей и всё равно готовила для них больше, чем они могли съесть.

Голос вспоминался легко. А ответить было некому.

Ириша закрыла глаза, потом снова посмотрела на страни-цу. Провела большим пальцем по продавленным буквам. Бумага, кляксы, круг от чашки - всё осталось. Только человека давно рядом не было.

После смерти бабушки тетради долго оставались у Эдуарда. В семье о них почти не говорили. Кто-то считал записи странностью одинокой пожилой женщины, кто-то - способом отвлечься от болезней, а кто-то предпочитал вовсе не вспоминать. Ириша несколько раз просила отца отдать их ей, но он отвечал, что сначала сам разберётся.

Что именно отец успел понять, Ириша уже не спросит. Но коробку он подписал крупно и дважды подчеркнул: «Не вы-брасывать».

Ириша взяла вторую тетрадь, потом третью. Заголовки шли один за другим: сон первый, сон второй, сон третий. Названия мест повторялись. Разговоры продолжались с той точки, на которой обрывались раньше. На полях появлялись уточнения, сделанные через несколько дней:

«Коридор был не белый, а почти прозрачный».

«Не уверена, что это музыка. Скорее звук, который почему-то вспоминается как музыка».

«Сегодня увидела это снова. Значит, в прошлый раз не показалось».

Чем дальше Ириша читала, тем труднее было просто отмахнуться от этих записей. Слишком многое повторялось от тетради к тетради. Но поверить безоговорочно она тоже не могла. Пелагея сомневалась, раздражалась, шутила, обвиняла собственную память, иногда прямо писала: «Возможно, всё это бред».

И всё-таки продолжала.

Везде попадались: «Не уверена», «Не так было», «Уточнить». Бабушка исправляла даже то, чего никто, кроме неё, проверить не мог.

Вот это и тревожило Иришу.

Ириша снова нашла первую тетрадь, поправила потрескавшуюся обложку и перелистнула несколько страниц назад.

В верхнем углу бабушка вывела:

«Начинать отсюда. Всё предыдущее - разговоры и оправдания».

Ниже стоял аккуратный заголовок:

«Сон первый. Странное место».

Ириша провела ладонью по странице, словно разглаживая не бумагу, а расстояние между тем вечером и собой нынешней.

Потом придвинула лампу и начала читать.

ЧАСТЬ 1 ГЛАВА 1 Сон перый. Странное место

Первое, что удивило Пелагею, - отсутствие боли. Правда, поняла она это не сразу. Открыв глаза, по многолетней привычке прислушалась к собственному телу, ожидая знакомой тяжести в груди и ломоты в пояснице. Тело почему-то молчало.

Она осторожно приподнялась и села. Ничего не кольнуло, не потянуло, не заставило задержать дыхание и переждать первый болезненный толчок нового дня.

- Это что ещё такое? - пробормотала Пелагея, машинально проведя рукой по лицу в поисках очков.

Очков тоже не оказалось, а когда она огляделась, то окончательно поняла, что находится не у себя дома.

Вокруг было светло, но определить источник света не удалось. Он исходил не из окна, не из лампы и не с потолка, а присутствовал в самом воздухе - мягкий, ровный, рассеянный, без теней и резких переходов. Белизна помещения светилась изнутри, стены казались почти прозрачными, углов не было видно, как не было двери и даже намёка на неё.

Пелагея опустила ноги с низкого широкого ложа и медленно поднялась. Легко - не ища рукой опоры, не замирая перед первым движением. Вот это и насторожило. Не доверяя собственным ощущениям, она осторожно присела и сно-

ва выпрямилась.

Колени послушались без боли.

- Господи... - вырвалось у неё почти испуганно.

Обрадоваться она сразу не успела - испугалась. Боль давно стала такой же привычной, как утренний чай, старый халат или таблетки на тумбочке. А теперь исчезла - и вместе с ней куда-то делся привычный порядок вещей.

Она сделала несколько шагов по тёплому гладкому полу, едва заметно пружинившему под ступнями. Прохладный чистый воздух входил в лёгкие свободно, словно грудную клетку кто-то осторожно освободил от тугой повязки.

- Так, - сказала Пелагея, прислушиваясь к собственному дыханию. - Это уже интересно.

И тут пришла мысль попроще. И куда менее приятная.

- Неужто померла?

Она перекрестилась и снова огляделась, теперь уже пытается определить, похоже ли это место на загробный мир. Покойная Валентина Ивановна из соседнего подъезда, пережив однажды клиническую смерть, уверяла весь двор, что видела тоннель, яркий свет и что-то вроде ангелов. Здесь свет имелся, зато ни тоннеля, ни ангелов Пелагея не обнаружила, как не обнаружила и приличной лавочки, на которую можно было бы присесть, спокойно осмотреться и решить, что делать дальше.

Подойдя к ближайшей стене, она осторожно коснулась её ладонью. Под пальцами пробежала серебристая рябь, похо-

жая на круги по воде, и Пелагея немедленно отдернула руку. Рябь исчезла. Подождав, она снова приложила ладонь. Поверхность посветлела прямо под пальцами.

- Нет, - решила Пелагея. - Если это рай, то какой-то чересчур затейливый.

Помещение было почти пустым. Кроме ложа, на котором она очнулась, здесь не было ни мебели, ни привычных вещей, по которым можно было бы догадаться о его назначении. Всё вокруг выглядело новым, чистым и совершенно безличным, будто здесь никогда не жили, не ели, не спали и не оставляли предметов не на своих местах.

Пустота сама по себе её не пугала. Хуже было другое: она всё сильнее чувствовала на себе чужое внимание. Не ночной шорох в одинокой квартире, не шаги этажом выше - настоящее чужое присутствие. От него становилось не по себе.

Она резко обернулась, но за спиной были только ровный свет, прозрачная поверхность стены и едва заметное отражение, в котором невозможно было различить черты лица.

Это Пелагее не понравилось. Раз уж её занесло неизвестно куда, хотелось хотя бы убедиться, что она по-прежнему остаётся собой.

В тишине протянулся тонкий звук. Сначала Пелагея приняла его за звон в ушах. Потом он повторился, стал глубже, наполнил комнату - и всё равно было непонятно, откуда идёт.

Мелодией это назвать было трудно. Не песня, не то, что

можно напеть,- скорее далёкий зов, который слышался не только ушами. Ничего знакомого, а внутри почему-то отзывалось.

И вдруг одно за другим вернулись три воспоминания, которые Пелагея прежде никогда не связывала.

Сначала возникли холодные мамины пальцы в переполненной теплушке, запах мокрой шерсти и тяжёлого человеческого дыхания, стук колёс. Тогда казалось, что весь мир движется куда-то во тьму, а мать держит её так крепко, словно одним этим ещё можно что-то спасти.

Потом - сырой подвал: колючая солома под щекой, далёкий гул, похожий то ли на взрыв, то ли на ветер, и детское ощущение, что мир может закончиться в любую минуту, а никто даже не успеет этого заметить.

Последним вернулся допрос в гестапо, где пахло табаком и холодной кожей, где задавали вопросы и долго смотрели в лицо, ожидая ответа, которого она не знала или не хотела давать. Именно тогда у Пелагеи был жар. Она почти не понимала, что происходит, а потом провалилась в темноту. Странный звук пришёл неизвестно откуда, заглушил панику и увёл её в сон, где были свет, непривычная тишина и место, не похожее ни на деревню, ни на больницу, ни на церковь, ни на смерть.

Тот сон Пелагея много лет не вспоминала: мало ли что привидится в жару и страхе. Но сейчас она узнавала не мелодию - само ощущение. И от этого становилось не по себе.

Что, если то место никуда не исчезло и всё это время оставалось где-то рядом, за тонкой преградой?

Музыка стихла. Пелагея осталась стоять, прижав ладонь к груди. Незнакомая комната теперь пугала меньше, чем мысль о её связи с тем давним сном.

- Этого ещё не хватало, - пробормотала она.

Загадок без разумного объяснения Пелагея не любила. А прошлое, которое возвращалось без приглашения, - тем более.

В этот момент раздался мужской голос:

- Пелагея...

Она вздрогнула и обернулась, хотя голос шёл сразу со всех сторон. Он был негромким, слишком ровным и почти лишённым привычной человеческой интонации, но за этой ровностью чувствовалось напряжение: говорящий тщательно контролировал каждое слово.

- Кто здесь? - спросила Пелагея.

Ответа не было. Потом голос спросил всё так же сдержанно:

- Ты меня слышишь?

- А ты как думаешь?

- Контакт установлен, - произнёс незнакомец с такой точностью, будто подтверждал результат наблюдения.

- Ты сейчас со мной разговариваешь или рапорт сдаёшь?

- Прости. Я должен был убедиться, что ты действительно меня слышишь.

- Убедился?

- Да... Наконец-то.

«Наконец-то» прозвучало тише, почти с облегчением. Пелагея насторожилась ещё сильнее. Так не говорят человеку, которого видят впервые.

- Мы, что ли, знакомы? - спросила она.

- Да.

Ответил он слишком быстро.

- Я был уверен, что ты этого не вспомнишь. Но мы знакомы, Пелагея.

- Ты, может, и знаком, а я тебя даже не вижу.

- Сейчас это невозможно.

- Очень удобно.

Пелагея медленно повернулась, пытаясь определить хотя бы направление, откуда доносится голос, но тот продолжал звучать повсюду и нигде.

- Ну и кто ты такой?

- Меня зовут Лагей.

Имя ничего ей не сказало.

- Не помню никакого Лагея.

- Я знаю.

- Тогда зачем говоришь, что мы знакомы?

- Потому что это правда, даже если ты её не помнишь.

Ответ прозвучал настолько серьёзно, что Пелагея невольно поморщилась. Не нравились ей люди, которые с первых слов принимались разговаривать загадками и при этом дела-

ли вид, будто объяснили всё предельно ясно.

- Хорошо, Лагей, - сказала она. - Теперь объясни, где я нахожусь.

- Тебе не следует бояться. Контакт установился, но стабилизация ещё не завершена. Ты можешь видеть и слышать меня, а выйти из помещения пока не сможешь.

- Из какого помещения?

- Из инкубатора.

Пелагея фыркнула.

- Из какого ещё инкубатора? Я тебе что, цыплёнок?

В голосе возникла короткая запинка. Лагей явно пытался понять, какое отношение птица имеет к помещению.

- Нет. Это условное название.

- Название дурацкое.

- Вероятно, оно действительно неудачно.

Пелагея даже удивилась. Спорить Лагей не стал.

- А само место, значит, удачное? - спросила она.

- Для своей цели - да.

Пелагея ещё раз огляделась. Белое помещение по-прежнему казалось слишком пустым и странным, но отрицать его красоту было бы нечестно.

- Красивое, - признала она неохотно. - Только непонятное.

- Ты видишь всё достаточно ясно?

- Всё, кроме тебя.

- Пока я не могу появиться рядом.

- Не можешь или не хочешь?

- Не могу.

- Ну конечно, - пробормотала Пелагея. - Я здесь как на ладони, а он не может.

Она собиралась задать следующий вопрос, но одна из стен дрогнула и стала терять молочную белизну. Поверхность не распахнулась и не исчезла, а медленно сделалась прозрачной, точно из воды уходила муть.

Пелагея отступила на шаг и замерла. За стеной был город - хотя на человеческий он походил мало.

Под огромным прозрачным Куполом простиралась светлая равнина. Невысокие полупрозрачные сооружения выступали из неё, как гладкие раковины. Дальше поднимались серебристые башни, расщеплённые в верхней части на тонкие пластины. Между ними бесшумно скользили светящиеся платформы. За прозрачной оболочкой Купола темнели фиолетовые горы, а над ними висела огромная розовая планета.

Но сильнее всего взгляд притягивали Нити. Они выходили из башен, пересекали высоту и терялись вдали. По одной Нити свет двигался длинными и короткими промежутками; затем тот же рисунок подхватила другая. Пелагея уже не слышала музыки, но вдруг узнала её ритм. Не мелодию, не отдельные звуки - тот самый порядок, от которого в памяти поднялись теплушка, подвал и допрос.

Она подошла к прозрачной поверхности и прижала ладонь. Под пальцами пробежала серебристая рябь, но город

не исчез. Пелагея сделала шаг в сторону. Ближайшая башня сместилась относительно дальней, между ними открылся ещё один поток платформ, а Нить, казавшаяся прямой, уходила широкой дугой за Купол. Значит, перед ней была не плоская картинка.

- Это не Земля, - произнесла она.

- Нет, - подтвердил Лагей.

- И на рай не похоже.

В его голосе послышалось недоумение.

- Почему ты решила, что это может быть рай?

- Потому что боли не было. А где ещё больной старухе проснуться здоровой?

Лагей не нашёл с ответом. Пелагея решила, что понятие рая придётся объяснять ему отдельно, если разговор продолжится.

- Как называется это место?

- Налойя.

Слово было незнакомым и всё-таки цепляло память. Где-то очень давно она уже его слышала - или ей так показалось.

- Налойя, - повторила Пелагея, проверяя название на слух.

- А ты здесь живёшь?

- Да.

- В одной из этих банок?

- Если под банками ты понимаешь жилые капсулы, то да.

- Ну конечно. Банкой назвать нельзя, обязательно капсулой.

- Если тебе удобнее, называй их банками.

- Ещё бы ты запретил.

Она снова посмотрела на город. Свет продолжал переходить с Нити на Нить знакомыми промежутками.

- Ты ждал, что я узнаю это место?

- Надеялся.

В одном слове не осталось ничего от прежнего рапорта.

- Почему?

- Потому что ты уже была здесь.

- По-твоему, была.

- Я хотел, чтобы ты увидела Налойю.

- Увидела. Красиво. Дальше что?

Голос Лагея стал тише.

- Я хотел, чтобы ты увидела дом.

Пелагея нахмурилась.

- Чей дом?

- Когда-то он был твоим.

Ей показалось, что она ослышалась.

- Ты меня с кем-то путаешь.

- Нет.

- Значит, врёшь.

- Нет, Гея...

Пелагея напряглась.

- Что ты сказал?

- Пелагея, - сразу поправился он.

- Нет уж, подожди. Сейчас было другое имя.

- Я ошибся.

- Ишь ты как просто. Ошибся он. Меня мать Пелагеей назвала, и другой я никогда не была.

- Пелагея, - повторил Лагей медленнее, уже без прежней уверенности.

Она смотрела на чужой город и чувствовала, как первоначальное удивление сменяется упрямством. Ей не нравилось, когда незнакомец сообщал, кем она была или должна быть, особенно если сам прятался неизвестно где и разговаривал загадками.

- Слышишь меня? Никакой Геи я не знаю.

- Слышу.

- Тогда запомни.

- Я постараюсь.

Странный ответ. Нормальный человек сказал бы «хорошо» или «прости». А этот - «постараюсь». И ведь говорил серьёзно, как о задаче, которую ещё предстояло решить.

В этот момент свет на ближайшей Нити сбился с прежнего ритма. Прозрачная поверхность под ладонью Пелагеи дрогнула, башни потеряли чёткость, а розовая планета за Куполом начала меркнуть.

- Подожди, я ещё не закончила.

- Пелагея, связь ослабевает. Слушай меня, - быстро произнёс Лагей, впервые перебив её. - Не сопротивляйся.

- Чему не сопротивляться?

Но стены уже расплывались. Свет уходил, голос Лагея ед-

ва доносился.

- Мы продолжим, Пелагея.

- Это я ещё решу.

Ей показалось, что Лагей хотел ответить, но слова не дошли. Последнее, что она успела увидеть, - несколько тонких нитей в прозрачной высоте и одну далёкую капсулу, в которой погас свет.

А между тем...

Пелагея проснулась от резкой боли в груди.

В комнате было темно, за окном едва серел летний расцвет, на стене размеренно тикали часы, а из приоткрытой форточки тянуло тёплой утренней сыростью. Под боком сбилось старое одеяло, и сердце колотилось так сильно, будто её только что заставили пробежать через весь двор.

Пелагея лежала, зажмурившись и сжав зубы. Больно было, конечно. Но ещё обиднее: совсем недавно это же тело слушалось без единого возражения.

- Ну вот, - прошептала она. - Всё на месте.

Она нащупала тумбочку, стакан, пузырёк с лекарством. Таблетка выскользнула из пальцев и укатилась под кровать. Пелагея сердито выругалась, достала другую, положила под язык и прижала ладонь к груди. Оставалось ждать, пока боль хоть немного отпустит.

Постепенно дыхание выровнялось, и Пелагея смогла оглядеться.

Комната была самой обыкновенной и знакомой до последнего пятна на обоях: стул с наброшенным халатом, шкаф, комод, фотография детей, горшок с засохшим алоэ у окна. На тумбочке рядом с лекарствами стояла тяжёлая стеклянная пепельница с двумя окурками. В дальнем углу зеленоватым

светом мерцала флуоресцентная фигурка орла, привезённая несколько лет назад из Пятигорска. По потолку скользили длинные полосы света от фар проезжавших по улице машин.

Никаких прозрачных стен, огромного купола и светящихся нитей не было. Всё находилось на своих местах, и только сердце продолжало биться слишком быстро.

- Приснится же такое, - сказала она и сама себе не поверила.

После ночного приступа ей обычно уже не удавалось уснуть. В голову лезло всё подряд: дети, деньги, поликлиника, хлеб на утро. До рассвета она ворочалась и сердилась, что не может заставить голову замолчать.

На этот раз в памяти удерживались совсем другие вещи: белая комната, странная музыка, имя Лагей, нелепое слово «инкубатор» и чужое имя, которым он назвал её по ошибке.

- Гея, - негромко повторила Пелагея и сразу поморщилась.
- Выдумал тоже. Нашёл кого перепутать.

Она снова легла и закрыла глаза, пытаясь собрать увиденное заново. Обычный сон уже через несколько минут начинал путаться и расплзаться. А этот держался в памяти слишком отчётливо.

Пелагея помнила не только общий вид города, но и расстояние между капсулами, медленное движение платформ, серебристые башни и нити, уходящие в прозрачную высоту. Ей казалось, что, снова оказавшись там, она сумела бы узнать это место.

Вот это и тревожило. Сон помнился слишком хорошо - и, что ещё хуже, Пелагее не хотелось его забывать. Впервые за много месяцев мысли были не о боли, покупках и том, кто опять не приехал навестить. Ей хотелось знать, что будет дальше.

Лагею она не верила. Геей себя не считала, чужой город домом - тем более. Но снова увидеть Налойю хотелось: потребовать объяснений и понять, почему та давняя музыка спустя столько лет привела её именно туда.

С этой мыслью Пелагея неожиданно легко уснула.

ГЛАВА 2. Сон второй. Встреча

После первого сна прошло несколько недель. Налойя больше не снилась.

В тот вечер Пелагея решила навестить Зинаиду Семёнову, жившую через два дома. Особенного дела у неё не было. Можно было сказать, что они давно не виделись, что Зинаида обещала отдать выкройку домашнего халата или что пора узнать, вернулась ли её дочь из Сочи. Но настоящая причина была проще: весь день Пелагея провела одна и к вечеру устала от собственного голоса.

Она тщательно причесала короткие седые волосы, надела лёгкое платье, которое ещё не успело окончательно потерять цвет после многочисленных стирок, и некоторое время разглядывала себя в зеркале. Выглядела она обыкновенно. Старше, чем хотелось бы, и лучше, чем можно было ожидать после почти бессонной ночи. Под глазами залегли тени, щёки немного осунулись, зато волосы лежали прилично. Перед выходом Пелагея привычно проверила, лежат ли в сумке ключи, носовой платок, пачка сигарет и спички.

- Сойдёт, - решила Пелагея. - Не на смотрины иду.

Слово «смотрины» неожиданно напомнило ей о голосе из сна.

Имя «Лагей» весь день само собой всплывало в памяти - нелепое, незнакомое и почему-то не желавшее забываться.

Пелагея поморщилась, будто попробовала что-то кислое.
- Чего только ночью не привидится.

На самом деле до Зинаиды Семёновны Пелагея в тот вечер так и не дошла. Перед выходом она присела на диван всего на минуту и незаметно уснула. Сон подхватил её намерение так точно, что подмены Пелагея не заметила.

Она закрыла квартиру, дважды проверила дверь и медленно пошла вдоль длинного многоэтажного дома. Вечер выдался тёплым. Из открытых окон доносились голоса, звенела посуда, где-то плакал ребёнок, а из дальней квартиры надрывно пел телевизор. На лавке возле подъезда две женщины обсуждали чью-то невестку с такой осведомлённостью, словно состояли при ней личными секретарями. Несколько мальчишек гоняли мяч между бельевыми столбами, не обращая внимания на возмущённые крики взрослых. Всё было знакомо, обыкновенно и надёжно.

Пелагея свернула на аллею, зажатую между высокими тополями и разросшимися кустами сирени. Цвести сирень уже перестала, но в густой листве ещё держался слабый сладковатый запах, смешанный с пылью, тёплым асфальтом и дымом от чьего-то вечернего костра.

До дома Зинаиды Семёновны оставалось совсем немного, однако Пелагея уже чувствовала, как тяжелеют ноги. Раньше она дошла бы не задумываясь. Теперь любое расстояние приходилось заранее делить на части: до угла, потом до лавки, потом можно постоять возле школьной ограды, сделав

вид, что остановилась посмотреть на детей.

- Отличная жизнь, - проворчала она. - Главное - всё правильно рассчитать, как наступление.

Она как раз собиралась немного передохнуть, когда услышала музыку.

Пелагея остановилась так резко, что заболело колено. Сначала ей показалось, что звук доносится из какого-нибудь окна. Но рядом не было ни радио, ни магнитофона, ни обычной вечерней песни доморощенных гитаристов. Музыка возникала не в воздухе, а словно внутри самой тишины - тонкая, протяжная, лишённая знакомого ритма.

Она уже слышала её. Не просто похожую - ту же самую.

Узнавание пришло сразу, быстрее испуга. В памяти вспыхнула светлая комната без углов, прозрачная стена и мужской голос, который назвал её Геей.

Музыка была тихой, однако Пелагея отозвалась на неё раньше, чем успела что-либо решить. Боль в ногах отступила, дышать стало легче, а вечер вокруг утратил прежнюю плотность. Шум двора отдалился, голоса приглушились, хотя люди продолжали разговаривать, дети - кричать, а вдали по улице всё так же проезжали машины.

Пелагея оглянулась. Аллейка была пустой.

- Значит, опять сон, - уверенно произнесла она, но собственного голоса почти не узнала.

Сон, если это был сон, начался незаметно. Ни темноты, ни падения, ни пробуждения в странном помещении. Только

что она шла к Зинаиде Семёновне - и вот уже всё вокруг стало каким-то другим.

Музыка тянулась со стороны школьного стадиона. Пелагея посмотрела туда, где за сиренью виднелась низкая металлическая ограда. Можно было развернуться, дойти до Зинаиды, выпить чаю, обсудить чужих детей и сделать вид, что ничего не слышит. Но сама мысль о том, чтобы пройти мимо, неожиданно её разозлила.

Весь день ей хотелось понять, что означал первый сон. Теперь, когда ответ, возможно, находился в нескольких десятках шагов, было бы глупо испугаться собственной фантазии.

- Ну хоть во сне можно повести себя безрассудно, - сказала Пелагея и, немного подумав, добавила: - В разумных пределах.

Узкая тропинка между кустами вывела её к школьной ограде. Калитка оказалась открытой. Стадион выглядел так же, как всегда: вытоптанное футбольное поле, облупленные ворота без сетки, бледные полосы разметки, турники и ряд покосившихся скамеек. У дальнего края лежал забытый мяч. Трава местами пожелтела, а в неглубокой луже возле беговой дорожки отражалось вечернее небо.

А посреди этого привычного убожества находилось то, чего здесь быть не могло.

Сначала Пелагея приняла его за огромную гладкую каплю металла, лежащую на поле. Но поверхность странного сооружения не отражала ни школу, ни деревья, ни темнеющее

небо. В одном месте она казалась матовой, в другом почти прозрачной, а при попытке сосредоточить взгляд медленно меняла глубину, словно внутри неё двигался свет.

Ни окон, ни дверей, ни швов Пелагея не увидела.

Сооружение не гудело, не сверкало, не выпускало клубов дыма. Просто лежало посреди школьного поля так спокойно, что футбольные ворота и облупленная ограда рядом с ним казались чем-то более случайным.

Пелагея сжала ручки сумки.

- Вот теперь точно сумасшествие.

Она даже всерьёз подумала, не позвать ли кого-нибудь. Потом вспомнила, что считает происходящее сном, и почувствовала себя ещё глупее. Звать людей на помощь во сне было примерно так же полезно, как жаловаться соседям на собственные разговоры вслух.

Музыка стихла. На поверхности сооружения проявилась вертикальная линия. Она расширилась, превратилась в тёмный проём, из которого выдвинулась полупрозрачная площадка. Пространство под ней дрогнуло, образуя несколько широких ступеней.

В проёме появился высокий силуэт. Незнакомец сошёл на траву и остановился в нескольких шагах от сооружения. На школьном стадионе, рядом с мятым мячом и неприличным словом на стене, он выглядел особенно невероятно - слишком высокий, прямой и спокойный.

Телосложением он напоминал пловца: широкие плечи,

длинный ровный корпус и ноги - и никакой привычной выпуклой мускулатуры. Светлая сиреневая одежда казалась цельной: ни застёжек, ни пояса, ни одного заметного шва. По высокому воротнику-стойке, напоминавшему обод на шее, пробегали световые полосы.

Нижнюю часть лица закрывала полупрозрачная маска. От скул к ушам и по шее тянулись слабые световые линии. Пелагея смотрела во все глаза, забыв о приличиях: какие приличия полагаются при встрече с инопланетянином, она не знала.

Он тоже смотрел долго, сосредоточенно. Пелагее казалось, он сравнивает увиденное с тем, чего ждал.

- Пелагея, здравствуй, - произнёс он. - Вот мы и встретились. Я - Лагей.

Она сразу узнала голос из белой комнаты. Теперь он принадлежал существу, стоявшему перед ней на вытоптанной траве, и это пугало сильнее разговора с пустотой.

- Голос помню, - сказала Пелагея, стараясь не выдать волнения. - Имя тоже. Сон помню. А тебя вижу впервые.

Лагей не шелохнулся, но в его неподвижности появилось что-то настороженное.

- Ты сохранила память о первом контакте?

- Контакте? Хм... Помню белую комнату, музыку, ваш инкубатор, Налойю. И как ты меня чужим именем назвал.

Лагей поднял руку к шее за левым ухом и коснулся её двумя длинными пальцами. Только теперь Пелагея замети-

ла, насколько непривычно узкими были его кисти. Жест выглядел почти машинальным; в тот же миг на тёмной симметричной вставке в центре груди вспыхнули тонкие геометрические линии.

- Значит, память сохранилась полнее, чем я рассчитывал, - заключил он.

Пелагея поджала губы.

- Опять рапорт сдаёшь? Разговаривай со мной, а не со своими расчётами.

Лагей чуть склонил голову. И сразу показался ей не таким неприступным.

- Прости. Я не предполагал, что ты удержишь последовательность контакта.

- А я не предполагала, что встречу на школьном стадионе двухметрового инопланетянина. Сегодня у всех сюрпризы.

Лагей задержал взгляд на её лице. Страшно почему-то стало меньше, зато неловко - больше. Давно ни один мужчина не смотрел на неё так - словно за морщинами и сединой скрывалось что-то важное.

Маска на лице инопланетянина посветлела; тонкие симметричные полосы сложились от центра к краям и бесшумно ушли к ушам, будто воротник втянул их в себя.

Пелагея не успела понять механизм: впервые увидела его лицо целиком.

«Красивый мужчина, этого не отнимешь, - подумала она. - Только красота какая-то непривычная: не та, что складыва-

ется из удачных черт и живого выражения лица, а слишком спокойная, как будто нарисованная».

Лицо было зрелым, но без следов прожитых лет: чёткие скулы, матово-гладкая кожа с лёгким оливковым оттенком. Тёмно-пепельные волосы были убраны назад.

Его взгляд был почти человеческим, пока Пелагея не заметила, что зрачок меняет форму не плавно, а отдельными, едва различимыми сегментами. После этого смотреть ему в глаза стало труднее, хотя отвести взгляд почему-то тоже не получалось.

- Так ты и есть Лагей, - сказала она наконец.

Он едва склонил голову в знак согласия.

- А я, значит, по-твоему, всё-таки Гея?

- Я нашёл тебя там, где искал её.

- Это не ответ.

- Другого у меня пока нет.

- В прошлый раз я уже сказала: меня зовут Пелагея.

- Я помню.

- Тогда говори со мной, а не с той, которую надеешься во мне увидеть. Я тебя вижу впервые и ничего тебе не обещала.

Световые линии на шее Лагея вспыхнули неравномерно: справа ярче, чем слева.

- Гея тоже ничего мне не обещала. Перед её исчезновением мы были по разные стороны. Искать её решил я.

Мысль, что кто-то искал её, проникала туда, куда не доходили разумные возражения. Можно было не верить ни сло-

ву, но от этого чувства уже не отмахнуться.

- Ты искал Гею. А нашёл меня.

- Я искал ту, с которой не успел закончить последний разговор.

- Вот и разговаривай с ней, когда найдёшь. А перед тобой пока Пелагея.

Сегменты в его зрачках перестроились с запозданием.

- До сегодняшнего дня я не видел между вами различия.

- А теперь?

Лагей перевёл взгляд на странное сооружение и лишь потом ответил.

- Теперь не знаю.

- И долго ты искал?

- Почти две тысячи лет.

- Сколько? - воскликнула Пелагея.

- Почти две тысячи лет, - спокойно повторил Лагей.

- Ты хочешь сказать, что тебе самому больше двух тысяч?

Он утвердительно кивнул. Пелагея оглядела его лицо и фигуру. На вид ему нельзя было дать больше сорока пяти.

- Хорошо сохранился. Даже подозрительно.

Лагей, кажется, не понял, была ли это шутка.

- И всё это время продолжал искать? - спросила она уже серьёзнее.

- Да.

Для яви всё это было нелепо. Для сна - уж слишком последовательно. Хотелось уйти, а ещё сильнее - расспросить

его обо всём. Лагей не уговаривал, просто смотрел. И почему-то именно это удерживало сильнее любых уговоров.

- Итак, зачем я здесь? Только объясни по-человечески.

- Чтобы удержать контакт дольше и понять, почему он вообще возник, - произнёс Лагей и указал на мерцавшее в сумерках сооружение.

Пелагея ещё раз оглядела его. Оно занимало почти половину школьного поля.

- Это твой корабль?

- Мы называем его линзой.

- И что она со мной делает?

Лагей опустил взгляд к тёмной вставке на груди. Геометрические линии внутри неё менялись быстрее, чем прежде.

- Я рассчитывал только на устойчивый контакт. Он получился. Как именно - пока не знаю. Есть гипотеза: линза переводит... возможно, переводит точку твоего присутствия с Земли на Налойю. Земное тело должно оставаться там, где ты уснула.

- Должно?

- Я не могу наблюдать его отсюда, поэтому не стану утверждать наверняка.

- А что тогда сюда попадает: сознание, память, душа?

- Я не знаю точного земного определения. Ты сохраняешь память, волю, чувства и способность выбирать. Пока это всё, что я могу установить.

От такого признания Пелагее стало тревожнее, чем от

всех его объяснений.

- А это безопасно для меня?

- Не скажу, насколько. Но если связь станет опасной, я постараюсь её прервать.

- Хорошо, что сказал сейчас. Хотя подозреваю, сначала ты решил заинтересовать меня настолько, чтобы риск уже не остановил.

Лагей не стал возражать.

- Мне необходимо понять, почему контакт стал возможен и почему ты сохранила память о Налойе. Но продолжать без твоего согласия я не стану.

- Тогда начни с того, чтобы не решать за меня, кто я.

Пелагея снова взглянула на линзу. Страшно было. Но уйти сейчас - значит потом самой себя изводить вопросами.

- Я войду. Не потому, что доверяю тебе или поверила в Гею. Мне самой интересно, что со мной происходит и зачем ты меня нашёл.

Пелагея поставила ногу на прозрачную ступень. Та оказалась твёрдой и слегка замерцала. Лагей шёл на шаг позади; в открытой обуви, похожей на римские сандалии, его шагов почти не было слышно. Он не торопил её и не предлагал помощи.

Внутри не было ни коридора, ни кабины. Светлое, почти пустое пространство открылось сразу. Стены меняли прозрачность вслед за её взглядом, а в центре висели два сиденья.

- А как ты управляешь этой штукой, если здесь нет ни приборов, ни рычагов?

- Линза связана с моими внутренними системами и реагирует на намерение. Отдельный механизм управления ей не требуется.

- Значит, она слушается тебя почти как часть собственного тела?

- Не совсем. Скорее мы на время становимся частью одной системы.

Пелагея посмотрела на вставку у него на груди. Ни руля, ни кнопок. А вдруг Лагей и сам уже не замечает, где кончается его воля и начинается работа линзы?

- Удобно. Только я бы на твоём месте сначала выяснила, кто кем управляет.

Пелагея осторожно опустилась на воздушное сиденье, и оно мягко приняло форму её тела. Лагей сел рядом и прикоснулся к вставке на груди; по ней прошёл короткий серебристый импульс.

- Сейчас тебе покажется, что мы поднимаемся, - предупредил Лагей. - Линза показывает переход как движение. Означает ли это настоящее перемещение, я пока не знаю.

- Очень понятно объяснил, - пробормотала Пелагея.

Никакого рывка не произошло. Стены и пол сделались прозрачными. Стадион, школа и верхушки тополей беззвучно уходили вниз, хотя сама Пелагея движения не чувствовала.

- Господи, - прошептала она, заворуженно наблюдая за происходящим.

Когда город исчез под облаками, Пелагея вцепилась в сиденье. На вставке у Лагея возникло несколько новых световых линий.

- Линза может снизить интенсивность твоих эмоций до конца перехода, - сказал он.

Пелагея повернулась к нему.

- Каких именно эмоций?

- Страх, растерянности и других реакций, которые могут нарушить устойчивость контакта.

Он говорил об этом спокойно, как об обычной настройке системы. Пелагея посмотрела на светящиеся линии у него на груди и только теперь поняла: Лагей предлагал не успокоить её словами. Он мог добраться до самого чувства.

- И вы часто так делаете?

- Когда эмоция мешает работе системы, её стабилизируют.

- Мои чувства не часть вашей системы.

- Поэтому я спрашиваю.

- Тогда ответ: нет. Что бы со мной ни происходило, чувствовать это я предпочитаю полностью.

Лагей погасил линии на вставке.

В этот миг земной свет исчез. Вокруг сгустилась темнота, затем проступили тонкие световые линии, переплетававшиеся во всех направлениях. Ни скорости, ни движения Пелагея не чувствовала.

- Где мы? - в замешательстве спросила она.

- Линза показывает это как промежуток между точками контакта. Где мы находимся в действительности, я не знаю.

За стеной текли свет и туман. Впереди разрасталось сияние, из которого проступила планета: серебристые области, тёмные материки и прозрачные Купола под розоватым светом огромного небесного тела.

Вокруг тянулись бесчисленные Нити - одни уходили к поверхности, другие терялись в пространстве, соединяясь и распадаясь.

- Это... - в восхищении выдохнула она.

- Налойя, - сказал Лагей. - Добро пожаловать.

- Какая же она... - начала Пелагея и замолчала.

«Красивая» - слишком слабое слово. Налойя казалась огромной, спокойной и одинокой - перед ней хотелось молчать.

Лагей встал рядом. Приближались Купола, между ними двигались платформы, а Нити расходились перед линзой - если только ей это не мерещилось.

Ещё недавно она уверяла себя, что только посмотрит.

Теперь уже и сама не верила, что на этом остановится.

А между тем...

К овощному магазину Пелагея пришла позже обычного и сразу поняла, что привезли помидоры.

Очередь начиналась возле дверей, огибала угол здания и заканчивалась почти у мусорных баков. Люди стояли с сумками, авоськами, эмалированными вёдрами и выражением терпеливой обречённости, которое в советском человеке воспитывалось не хуже грамотности.

Пелагея остановилась в конце очереди и тяжело перевела дыхание. Она собиралась взять килограммов шесть. Себе столько не требовалось, но хотелось закатать несколько банок для детей. Люда любила помидоры в собственном соку. А Эдик каждый год уверял, что никакие заготовки ему не нужны, и потом первым открывал привезённые банки.

- Вот ведь, - пробормотала Пелагея. - Не нужны ему. Только исчезают почему-то слишком быстро.

Стоявшая впереди женщина с большой хозяйственной сумкой обернулась, посмотрела на Пелагею и тут же потеряла интерес. Видимо, решила, что старуха разговаривает сама с собой. Очередь двигалась медленно. И через десять минут у Пелагеи заболела поясница, ещё через десять начало тянуть колено. Она переносила вес с одной ноги на другую, но легче не становилось. Впереди спорили, сколько ящиков

привезли и всем ли хватит. Мужчина в рабочей куртке пытался пройти без очереди, уверяя, что ему «только спросить», и немедленно вызвал общее возмущение. Две женщины обсуждали, у кого муж больше пьёт, причём обе говорили с такой гордостью, будто участвовали в соревновании.

Пелагея посмотрела на лавку возле магазина. Она была занята тремя крепкими женщинами средних лет, которые не собирались вставать.

- Простите, можно я немного посижу? Ноги разболелись.
- У всех ноги болят. Мы тоже с работы устали.
- Я понимаю. Потому и спрашиваю, а не требую. Сидите. Я уж как-нибудь.

Пелагея отвернулась, прежде чем раздражение перешло в ссору. Раньше она непременно сказала бы что-нибудь резкое. Теперь сил на справедливое возмущение было жаль почти так же, как денег. Тем временем очередь продвинулась на несколько шагов.

Пелагея вдруг вспомнила не лицо Лагея, а то внимание, с которым он слушал каждое её слово. Возможно, для него она была всего лишь непонятым результатом опыта или следом исчезнувшей Геи. И всё же рядом с ним Пелагея впервые за много лет почувствовала себя не полезной детям и не больной старухой, а человеком, чей ответ действительно ждали.

Когда-то ей казалось: если мужчина вот так слушает тебя и ждёт ответа, с этого и начинается любовь. Потом жизнь отучила верить в такие простые вещи. Мало ли что за внима-

нием стоит - любопытство, жалость, собственная выгода. У Лагея, скорее всего, вообще был научный интерес.

«В моём возрасте не выбирают», - привычно одёрнула она себя и тут же рассердилась. Но почувствовать, что она ещё способна кого-то удивить, всё равно было приятно.

- Совсем старая стала, - пробормотала Пелагея, на этот раз без досады.

Очередь сдвинулась, и Пелагея вместе со всеми сделала несколько шагов к прилавку. Вскоре они добрались до дверей. В магазине пахло мокрыми ящиками, землёй и кисловатым помидорным соком. За прилавком продавщица устало перекладывала овощи, не глядя на покупателей.

- Сколько?

- Шесть килограммов. Детям закрою.

- Много берёте, - заметила продавщица, быстро взглянув на Пелагею, и начала бросать помидоры на весы.

Несколько оказались помятыми, один треснул и выпустил сок. Пелагея хотела попросить заменить его, но передумала «ввязываться в драку». Дома обрежет. Всё равно пойдёт в банку. Она расплатилась, разложила помидоры по двум авоськам и, с трудом их подняв, медленно двинулась домой.

На улице было душно и жарко. Очередь по-прежнему тянулась вдоль стены. Уже другие женщины сидели на лавке. Сумки оттягивали руки. Колени болели. Платье прилипло к спине. Никаких чудес. Жара, тяжёлые сумки, больные колени. А ожидание всё равно не проходило. Пелагея сердилась

на себя: одиночество, старость, слишком яркий сон - вот и вся причина. Наверное.

Но вечером, ставя на стол банки и перебирая помидоры, Пелагея несколько раз ловила себя на одной и той же мысли.

Ей хотелось снова увидеть Налойю.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.